

...Он говорил на невозможно ломаном русском, я — просто на русском. Он увидел меня, бредущего к пляжу, ещё издали и решил, что это шанс. Тёмный, сухой, как щепка, в одной руке он держал верёвку, которая была обвязана вокруг талии обезьянки, в другой — флейту, из которой извлекал подобие мелодии. Эту мелодию внимательно слушала вялая кобра, едва поднимавшая голову над краем плетёной корзины. Едва я приблизился, как он принялся меня убеждать:

— Нужно делай снимок! Нужно делай снимок!

Не любитель зоопарков, зоосадов и пляжных «фото-животных», я ответил однозначно и даже несколько сурово:

— Нет!

— Это нет опасно, — кивнул он на индифферентную кобру и отдёргивая обезьянку, потянувшуюся к моему рюкзаку. — Нет опасно.

— Нехорошо мучить животных! — назидательно сказал я в ответ.

— Хорошо снимок, — ответил он, — хорошо, нет дорого. Делай снимок, давай-давай.

— А если бы тебя самого вот так — на верёвочку, это хорошо было бы?

— Хорошо, хорошо, нет дорого!

Он пошёл было за мной, убеждая меня, что я не прав и снимок обязательно и недорого нужно давай-давай, но вскоре понял, что шанс упущен, и вернулся к корзине с коброй.

А я подошёл к самой кромке воды, и набежавшая волна Индийского океана лизнула мои ботинки. И тут, стоя на краю земли, я вдруг остро осознал, какая она маленькая — планета Земля, как сократились расстояния и как быстро мы стали жить. Ещё вчера утром я ехал по заснеженной трассе среди заиндевелых елей и берёз, а сейчас надо мной жарит тропическое солнце и поодаль бриз шевелит лохматые головы пальм...

Правительственный борт «Россия» мягко оторвался от взлётной полосы аэропорта имени Индиры Ганди в Нью-Дели и, слегка накренившись, развернулся на север, беря курс на Ташкент.

Где-то там, под сверкающими в солнечных лучах облаками, десятью километрами ниже самолёта проплывала Индия; потом будут Пакистан,

Афганистан, Узбекистан... Пассажиры — журналисты пула Министерства иностранных дел — устраивались поудобнее, готовясь к четырёхчасовому перелёту, переодевались — в Ташкенте обещали снег, пересматривали сегодняшние записи и снимки; стюардессы уже гремели посудой за занавесками своего тамбура.

И никто в самолёте не знал, что пока борт «Россия» перелетал индийские джунгли, отроги Западного Тибета и ледяные пики Памира, министр, работающий сейчас в вип-салоне, превратился в исполняющего обязанности министра, поскольку в этот момент в России правительство в полном составе ушло в отставку...

И только в аэропорту Ташкента это известие настигло журналистов, вызвав лёгкое замешательство.

— Что теперь давать в сообщениях — по-прежнему «министр» или «и. о.»? — советовались с симпатичной Дарьей, куратором из мида, журналисты пула. — Посоветуюсь с Захаровой, — в свою очередь засомневалась она.

При этом, стоит сказать, ни у кого не возникло ни малейших сомнений в том, что, как бы там ни пошли дела, министром иностранных дел останется Лавров. Что, собственно говоря, и произошло.

Что такое «пул»?

Сначала я брал в эти поездки большой чемодан, потом чемодан поменьше, теперь обхожусь рюкзачком средних размеров. Пара футболок, «официальная» рубашка с галстуком, брюки, ну и всякая туалетная мелочь. Пиджак, джемпер и «повседневные» джинсы — на себе, верхнюю одежду можно — в случае жары — оставить в самолёте... В общем, даже если визит рассчитан на несколько стран — рюкзака хватает. Дресс-код оказался не таким уж жёстким, как я опасался: в большинстве случаев допускались классические джинсы и светлые однотонные футболки или рубашки; лишь в исключительных случаях требовались пиджак и галстук...

Журналистский пул Министерства иностранных дел России состоит из журналистов основных центральных СМИ; в последнее время в него стали

входить представители серьёзных интернет-изданий и блогеры.

У понятия «пул» есть несколько значений. Изначально от английского *pool*—это «общий котёл», форма объединения юридических лиц; кроме того, это разновидность бильярда, обозначение ставки в карточной игре, а ещё термин в информатике и даже мелкая монета в Средней Азии. А есть ещё журналистский пул—неофициальное название группы журналистов, на постоянной основе освещающих деятельность какого-либо высокопоставленного чиновника.

Вот в такой пул, освещающий деятельность министра иностранных дел России Сергея Лаврова, и довелось мне затесаться.

Как? Это давняя история...

Когда-то много лет назад мне, редактору газеты из небольшого (хоть и довольно известного) города Сарова, предложили вступить в федеральную общественную организацию—Альянс руководителей региональных СМИ. Коллеги отнеслись к этому скептически: мол, ты и так член Союза журналистов, член Союза писателей, так к чему ещё это—пустая потеря времени... Я к советам не прислушался—и не прогадал. Уже через несколько лет на моём счету был с десяток поездок в различные страны на трёх континентах. Одним из направлений Альянса была так называемая «народная дипломатия». Потом случились командировки в горячие точки, в Сербию, в Боснию и Герцеговину, Абхазию и Южную Осетию, интервью с президентами, премьерами, послами, губернаторами и министрами...

То, что доверие к местным СМИ по результатам многих исследований заметно выше, чем к федеральным, да и читателей местной прессы физически больше,—это факт; и было вполне естественно, что однажды в миДе решили: пусть о работе министерства, кроме федеральных СМИ, рассказывают и региональные газеты, и с подачи Альянса запустили проект «Рядом с министром». По воле случая я оказался первым из «региональщиков», кому Альянс предложил отправиться в поездку с Лавровым. Это был Азербайджан...

...Работа пула начинается в правительственном терминале «Внуково-2». Журналисты, молодые в основном ребята, поздоровавшись, сдав служебную безопасность загранпаспорта и накоротко обсудив предстоящий визит, тут же «уходят в сети»—в свои телефоны, смартфоны, айфоны, нетбуки и планшеты. Гаджет—лучший друг человека. Сегодня без гаджета мы никуда. О гаджете, клянёмся всегда быть вместе—и в горе, и в радости, и в болезни, и в здравии... Впрочем, чем ещё заняться, когда отлёт затягивается?

Но вот пул в полном составе уже в самолёте—сидим и ждём министра. Наконец по салону

пролетает вздох: «Он здесь!»; лайнер с надписью «Россия» на борту начинает разбег, отрывается от московской земли и ныряет в облака...

Лавров

Из огромного количества моих друзей и знакомых, насколько я знаю, лишь к двум российским министрам у всех устойчиво позитивное отношение—к двум Сергеем, Шойгу и Лаврову. О чём-то это да говорит... О главе российского миДа Сергее Викторовиче Лаврове много рассказывать не нужно—легендарная личность, сильный, умнейший и при этом по-хорошему простой человек. Недаром кто-то сравнил его с великим дипломатом советской эпохи Громыко.

Владеет английским, французским и сингальским языками. Сингальский, надо полагать, изучил, когда начинал свою дипломатическую карьеру на Шри-Ланке в качестве стажёра, атташе посольства СССР.

Иногда я поражаюсь и завидую его выдержке. Ситуация, когда Россию упрямо «встраивают» в ось зла, не может не раздражать. Ведь применяются любые средства, любые провокации и всяческая дезинформация. Причём аргументы и факты, приводимые российской стороной, даже не опровергаются, а попросту игнорируются. С улыбкой на устах. Иногда невооружённым взглядом видно, как трудно Лаврову сдерживать раздражение в ответ на туповатые вопросы зомбированных западных журналистов, когда пытаются игнорировать совершенно очевидные вещи. Порой доходит до откровенных глупостей. Можно ли забыть историческую угрозу Джен Псаки: «Если Белоруссия вторгнется на Украину, Шестой флот США будет немедленно переброшен к берегам Белоруссии». А ведь это—на минуточку!—помощник президента США по связям, официальный представитель Государственного департамента США. Или удивление сенатора американского штата Алабама Фреда Калхуна, неожиданно узнавшего, что Джорджия—это не только американский штат, но ещё и целая страна на Кавказе... И эти люди учат нас жить?! Россия виновата! Почему? Потому!

Сколько раз в такие минуты, перебирая тезисы министра о шалостях «наших западных друзей», вспоминал я о своей статье десятилетней давности, написанной после командировки в Косово. С тех пор, кажется, ситуация с двойными стандартами только усугубляется. Штаты ведут себя всё наглее, а Европа прогибается, ведя политику умиротворения «гегемона». Всё это очень напоминает тридцатые годы прошлого века, когда такая вот политика «умиротворения» по отношению к Гитлеру привела к мировой войне. Может, меня несколько и заносит, но ощущение именно такое...

Иногда впечатление о человеке, сложившееся по его выступлениям на телевидении, в печати,

по радио, меняется при личном знакомстве. Я это-го побаивался. Такое в своё время случилось при знакомстве с Борисом Немцовым. Но нет, мнение о министре как о человеке сильным, умном и доброжелательным только усилилось. В первой же поездке, едва самолёт поднялся на заданную высоту и можно было отстегнуть ремни, министр без галстука, так сказать, по-домашнему, вышел в журналистский салон и принялся отвечать на вопросы тут же обступивших его журналистов. Повезло, подумал я тогда; где ещё можно вот так — на расстоянии вытянутой руки — запросто пообщаться с министром? Однако выяснилось, что существует непреложная традиция: во время полёта Лавров обязательно выходит в салон к журналистам и отвечает на любые вопросы. А вопросы есть всегда — и по теме визита, и по каким-то текущим событиям: то ли о позиции России в отношении событий в Ливии, то ли об убийстве Соединёнными Штатами иранского генерала Касема Сулеймани, или даже на темы, не касающиеся впрямую международных дел.

Эта традиция — беседовать вот так запросто с журналистами в ходе визитов — не может не импонировать.

Однажды, несколько лет назад, в российском миде задались вопросом: а сколько времени министр иностранных дел России Сергей Викторович Лавров проводит в самолёте? Тогда выяснилось, что с 2004 года он провёл на борту самолётов около 4284 часов (это 178,5 дня), преодолев за это время 3 миллиона 358 тысяч 363 километра, что равноценно восьмидесяти трём облётам вокруг земного шара.

Подсчёт проводился в 2016 году. Прибавьте ещё три года напряжённой работы и постоянных перелётов в разные точки земного шара. Впечатляет...

«Двигаемся быстро!»

«Двигаемся быстро, чтобы успеть попасть в кортеж!» — эту фразу слышишь постоянно. Вся работа журналистов пула, может быть, в этом. График визитов нередко перекраивается на ходу. «Обычное дело, — успокаивал меня в первой поездке один из журналистов пула. — Всё, что нужно увидеть, — увидим...»

Да, работа в пуле имеет свою специфику, и почувствовать, понять её на личном опыте было очень интересно. Сравнить, например, ту Марию Захарову, что видишь по телевидению, с той, которая энергично работает рядом — здесь и сейчас: твёрдая походка, острый внимательный взгляд, точные формулировки — это вам не Джен Псаки. Впрочем, такую, как Псаки, рядом с Лавровым трудно себе представить...

Журналисты пула — народ хоть большей частью и молодой, но тёртый, быстрый, сообразительный.

Что главное в работе этих ребят (ну, кроме профессионализма и знания международной специфики)? Терпение и крепкие ноги. Ритм работы рваный: то сидишь и томительно ждёшь команды куратора, то несёшься сломя голову к точке съёмки, а потом нужно ещё быстро передать свежую информацию в своё агентство или телеканал.

Правда, и на старуху бывает проруха: нет-нет да и отстанет кто-то от команды, совсем как два брата-корреспондента, Лев Рубашкин и Ян Скамейкин, из бессмертного романа Ильфа и Петрова «Золотой телёнок». Но в общем фраза «Двигаемся быстро!» — едва ли не главный девиз пула. И ещё: «Узнай, запиши, передай!»

Меня, правда, последнее не касалось — я-то не «новостник», и мне торопиться не нужно. Моё дело — всё увидеть, услышать, записать, набраться впечатлений, а потом в тиши кабинета проанализировать увиденное-услышанное и, не торопясь, писать.

Между прочим, готовясь к поездкам, наталкиваешься иногда на забавные факты. Вот перед поездкой в Индию случайно обнаружил, что, оказывается, пятьсот сорок девять лет назад в Индию прибыл первый посол из России. Ну, неофициальный, конечно, посол, так сказать, посол доброй воли, как бы сейчас сформулировали — «в рамках народной дипломатии». Не вспомните кто? Да тверской купец Афанасий Никитин! Помните — «Хождение за три моря»? То есть в будущем году исполнится ровно пятьсот пятьдесят лет со дня первого контакта между нашими странами. Неугомонный Афанасий «открыл» Индию за тридцать лет до столь же неугомонного португальца Васко да Гамы. Нужно бы обратиться в наш мид — может быть, стоит отметить юбилей.

Экзотика

Время летит быстро, но приходит час, когда его бег замедляется; все официальные мероприятия закончены и ты принадлежишь самому себе. И тогда вечером, а то и за полночь, удаётся побродить по городу, а если мало — после скорострельного сна можешь урвать на пробежку по экзотическим местечкам полтора-два утренних часа. Что-нибудь да и увидишь аутентичненькое. В Баку это были оригинальные, в азиатском стиле, но европейского размаха, высотки, хорошо сохранённая старая часть города, Девичья башня, набережная, государственная филармония имени Муслима Магомаева, макет нефтяной вышки, горящей огнями, наконец, улица имени «шёрт побьеры» (к/ф «Бриллиантовая рука»). В Мадриде — благородные олени, пасущиеся прямо у дороги в поместье дворца Сарсуэла, средневековые площади и совершенно сервантесовские пейзажи, в которые очень естественно вписались бы двести ветряных мельницы и парочка наездников:

один, как вы понимаете, худой и высокий, на ко-
стлявой лошади, а другой—маленький, на пуза-
том ослике. Впрочем, на склоне рыжего холма я
вдруг увидел стайку осин, совсем как где-нибудь
у нас на Нижегородчине, трепещущих под едва
ощутимым ветерком красно-жёлтой листвой. А в
Коломбо удалось исполнить сокровенную мечту
императора Павла и депутата Жириновского—
вымыть «сапоги» в Индийском океане! Потом я
и сам, конечно, поплавал немного, прибавив к
«оплавленным» раньше морям и океанам ещё один.
Купались, между прочим, рядом два молоденьких
монаха-буддиста...

В одной из поездок, после всех официозных
встреч и пресс-конференций, гуляя по вечернему
Ташкенту, вспомнил, каким видел его—сколько,
лет тридцать назад? Город, безусловно, стал дру-
гим—не утратив восточного колорита, каким-то
образом европеизировался.

И вдруг задумался: как всё же стремительно
(с исторической точки зрения) изменился мир.
Совсем недавно (с исторической точки зрения)
мы с друзьями свободно разъезжали на авто по
среднеазиатским республикам—проехали Казах-
стан, Каракалпакию, Туркмению и Узбекистан,
можно сказать, вдоль и поперёк, не выезжая из
единой страны. А теперь я там же, но в другом
государстве. Если подумать, вся жизнь людей
моего поколения—сплошной казус: не меняя места
жительства, мы прожили жизнь в разных городах,
странах, системах. Кто сейчас помнит, что была
Арзамасская область? А я в ней родился...

Да и историческая точка зрения на события и
людей меняется порой кардинально. Вот утвер-
дился в одном из городских скверов Ташкента
памятник Тамерлану. Жестокий, пожалуй, даже
свирейший правитель, погубивший сотни тысяч лю-
дей, а сейчас—практически национальный герой...

Потом на обратном пути дремлешь под гул са-
молёта и невольно удивляешься: давно ли самолёт
уносил тебя из холодной Москвы—двое суток
назад, трое? А кажется, пролетела неделя—столь-
ко информации и впечатлений. Океан, Цейлон,
Нью-Дели, лохматые пальмы и разноцветные
«тук-туки», чопорные министры и суровый сикх
в тюрбане с «калашниковым» в руках, индус с
коброй в корзинке и обезьянкой на верёвочке на
пляже,—с тобой ли это было?

Король Филипп VI

Но, может быть, главная экзотика этих поездок—
люди. За свою журналистскую карьеру мне дове-
лось встречаться (а то и брать интервью) с семьёю
президентами, включая Бориса Ельцина, Михаила
Горбачёва, Сергея Багапша или, скажем, прези-
дента Республики Сербской Райко Кузьмановича.
А вот с монархами—как-то не довелось. Надо ли
говорить, что, узнав о возможности побывать

«в гостях» у испанского короля Филиппа VI, я,
честно говоря, обрадовался?

Дворец Сарсуэла расположен в северо-запад-
ном пригороде Мадрида, на горе Монте-эль-Пардо,
и принадлежит не королевской семье, а Испании.
Предместье дворца встретило нас... оленями. Груп-
пами и поодиночке они паслись вдоль дороги
под сенью кудрявых южных сосен, каштанов и
акаций, совершенно не обращая внимания на
растянувшийся по узкой дороге сановный кортеж

Как написал один журналист, рассказывая о
Сарсуэле, «короля Испании... его предки Бурбоны
засмеяли бы. Дело в том, что в качестве основной
королевской резиденции он выбрал не роскошный
дворец в центре Мадрида, а всего лишь „охот-
ничий домик“—скромный загородный дворец
Сарсуэла. Его и дворцом-то назовёшь с натяжкой.
Так, особнячок»... В общем, недалеко от истины,
если, конечно, не брать во внимание внутреннее
убранство дворца. В зале, где проходила офи-
циальная видео-фотосессия встречи короля и
главы российского мида, некоторые журналисты,
включая и автора этих строк, принялись делать
селфи на фоне интерьера.

Конечно, никто не ожидал, что король выйдет
в мантии и со скипетром в державной руке, но всё
же хотелось какой-то особой торжественности.
Но нет. В одну дверь в зал вошёл Сергей Лавров,
в другую—король, высокий, стройный мужчина
в официальном костюме (между прочим, самый
молодой монарх в Европе); они с улыбкой пожали
друг другу руки и повернулись к нам. Зажужжали
телекамеры, защёлкали фотоаппараты, заблικο-
вали фотовспышки—и... всё. Король пригласил
российского министра в свои покои, и они уда-
лились на переговоры с глазу на глаз.

Да, подумалось мне, времени на фотосессию
было отведено чуть больше, чем понадобилось бы,
чтобы неспешно произнести полное имя короля:
Фелипе Хуан Пабло Альфонсо де Тодос лос Сантос
де Бурбон и Гресия...

Если б я был министром

Ночь. Под крылом самолёта сияет огнями планета.
На ночные города можно смотреть бесконечно:
одни похожи на огненных спрутов, другие—на
груды углей потухающего костра, иные—то на
иероглифы несуществующего языка, то на со-
звездия неведомой галактики. Странная штука:
поднялись на десять километров в небо, а звёзд
не видно, только эти огни внизу, на чёрном бар-
хате земли. Где мы—над Испанией, над Италией
или Болгарией? А может быть, там уже Украина?
Или над Украиной мы теперь не летаем? Отсюда
не видно никаких границ; просто—Земля. Там, в
десяти километрах ниже, у каждого огонька—лю-
ди. Живут себе потихоньку—работают, мечтают,
любят... И все они, не задумываясь о том, незримо

завязаны в узел политических противоречий, зависят от доброй или недоброй воли правителей. Однажды долгой полётной ночью над россыпью далёких огней мне вспомнилась беседа с моим сербским другом Златомиром Савовичем. Был я тогда помоложе и погорячее. Если бы я был министром иностранных дел, говорил я ему, я бы не стал особенно рассусоливать. Не стал бы «им» ничего доказывать — всё равно бесполезно! Я бы железной рукой... Да с той же Америки пример брал бы или с Северной Кореи: делал бы только

то, что выгодно России, и поплёвывал бы на вопли «мировой общественности». А на все эти европейские упрёки и стенания отвечал бы методично: осудите США за геноцид индейцев, за Нагасаки и Хиросиму, за бомбардировку Югославии и Ирана, тогда поговорим!

Златомир Савович, старый мудрый серб, переживший Вторую мировую, улыбаясь, сказал мне в ответ: мне нравится твой подход, но всё-таки хорошо, что ты не министр иностранных дел.

Он, конечно, был прав. Это понятно...